

Всего за несколько мгновений большая часть внутренней энергии Чжоу Чжунсиня была вытянута дочиста, и в его теле остались лишь жалкие крохи, напоминавшие вялых рыбешек.

Чжоу Гэн-гэн пораженно воскликнул:

— Что происходит?

Фу Сиянь покачал головой, не в силах объяснить — да и сам толком не понимал. Поначалу он решил, что без учителя освоил легендарный метод поглощения энергии, и втайне пришел в восторг. Но вскоре понял, что эта штука работает по принципу вреда для других при отсутствии пользы для себя: сколько ни поглощай, в нем ничего не оседает. Причину этого Фу Сиянь не решался озвучить, опасаясь лишних проблем, поэтому и не пытался разобраться глубже.

Он заставил себя собраться:

— Подай лекарство.

Чжоу Гэн-гэн поспешно подобрал с кровати флакон и протянул ему. Фу Сиянь дрожащими руками открыл крышку, и все три пилюли разом выкатились на ладонь. Чжоу Гэн-гэн хотел было забрать лишние, но Фу Сиянь накрыл их ладонью и одним махом отправил в рот.

Эффект от тройной дозы оказался сильнее в разы. Фу Сиянь прислушался к ощущениям, чувствуя, что происходит нечто выходящее за рамки науки. Даже если не брать в расчет привыкание к препаратам, почему при той же дозировке эффект с каждым разом становится все мощнее?

Под воздействием лекарства его внутренняя энергия впервые начала раздуваться, а затем, словно прорвавшая плотину, хлынула мощным потоком. В тот миг он отчетливо почувствовал, как температура тела опасно подскочила, но когда она достигла критической отметки, жар внезапно схлынул, словно из сдувающегося мяча, и вернулся к норме.

Фу Сиянь внезапно открыл внутреннее зрение. Он наблюдал, как раздутый энергетический центр постепенно сжимается до прежних размеров и затихает; как кости из белых превращаются в серебристые с металлическим отливом, а затем под напором энергии начинают золотиться.

Считается, что этап закалки костей — самый мучительный из всех уровней совершенствования. Фу Сюань описывал это так: словно кости бросили в плавильную печь. Фу Сиянь даже задумывался, можно ли считать этот процесс химической реакцией. Судя по всему, нет, ведь физическое состояние и структура костей не менялись.

Да и саму боль он не ощущал по-настоящему. У этого тела была удивительная способность — любая боль автоматически гасилась, не выходя за пределы его зоны комфорта. Поэтому все попытки отца воспитать из него почтительного сына с помощью грубой силы были

бессмысленны. Впрочем, не разоблачать старания отца и было его способом проявить сыновнюю почтительность.

Фу Сиянь наблюдал, как его кости постепенно достигли уровня Золотого ранга, и его развитие замерло на пике закалки костей. Хотя он и не достиг небес одним прыжком, для него этого было достаточно. По крайней мере, чтобы задать трепку Чу Шаояну — более чем!

Фу Сиянь, носивший титул первого лентяя Хаоцзина, впервые ощутил боевой дух, подобный прыжку карпа через ворота дракона. Ему не терпелось увидеть Чу Шаояна, чтобы показать тому, почему цветы в Северном Чжоу такие красные.

Он не знал, что просидел в медитации двое суток. Едва выйдя из транса, он услышал, как с грохотом распахнулись ворота двора. Чжоу Чжунсинь, охранявший комнату, изменился в лице и бросился наружу. Поскольку его энергия еще не восстановилась после того, как Фу Сиянь ее вытянул, снаружи дежурил Чжоу Гэн-гэн.

Все произошло слишком внезапно. Фу Сиянь еще не привык к яркому дневному свету, а снаружи уже начался хаос. Протирая глаза, он вышел и увидел, как Тан Гун вместе с несколькими незнакомцами решительно шагает через сломанные ворота, а Чжоу Чжунсинь пытается поднять с земли Чжоу Гэн-гэна, отряхивая с него щепки.

Лишних слов не потребовалось: по виду пришедших было ясно, что они настроены враждебно. Фу Сиянь, только начавший было испытывать симпатию к Тан Гуну, тут же помрачнел:

— Господин Тан, что это значит?

Тан Гун, сбросив маску дружелюбия, холодно ответил:

— Это я хотел бы спросить у охранника Фу: чего вы добиваетесь?

Фу Сиянь в недоумении посмотрел на своих спутников. Стоявший рядом с Тан Гуном бледный ученый, не говоря ни слова, махнул рукой:

— Обыскать.

Фу Сиянь инстинктивно хотел отступить, но почувствовал, как тело сковало на мгновение. Давление уровня развития! Именно этот прием Фу Сюань использовал против Чу Шаояна, но Фу Сиянь пришел в себя уже через секунду.

Однако он не двигался, наблюдая, как люди в одежде воинов, словно голодные волки, ворвались в его комнату, переворачивая все вверх дном. Один из них принялся обыскивать его самого: ветряные колокольчики, векселя, рецепты, жетоны — все летело на землю.

На поясах у воинов виднелись нефритовые ремни с выгравированными облаками, озаренными золотым светом. В мире боевых искусств только два клана имели подобную символику:

уничтоженная двадцать лет назад мастерская Юньхай и Дворец Хранителей, некогда правивший миром вместе с Зеркалом Неба.

Ученый заметил крайнее напряжение в глазах Фу Сияня и с неприятной усмешкой снял блокировку:

— Думаю, тебе лучше сделать это добровольно...

— Ой, мои векселя! — едва обрета свободу, Фу Сиянь бросился вперед, собирая разлетевшиеся бумаги. Он тщательно пересчитал их и, обнаружив нехватку одной, принялся суетиться вокруг.

Ученый опешил.

Тем временем воины вынесли из комнаты флакон. Ученый с волнением принял его, но, открыв и заглянув внутрь, внезапно изменился в лице. Он перевернул флакон на ладонь, яростно потряс его, посмотрел на Тан Гуна и мрачно спросил:

— Где лекарство?

Тан Гун тоже побледнел и с тревогой посмотрел на Фу Сияня. Тот, наблюдая за ними, понял: дело плохо. Девятисолнечная пилюля, которую дал ему господин Лян, явно не была простой безделушкой, раз она привлекла такую махину, как Дворец Хранителей. А щедрость Тан Гуна была явно не бескорыстной.

Мысли пронеслись в голове за долю секунды. Он притворился растерянным:

— Какое лекарство?

Тан Гун не выдержал и рявкнул:

— Хватит придуливаться! Ты проник в мою усадьбу Люму и сговорился с господином Ляном, чтобы украсть лекарство, не так ли?

Фу Сиянь почувствовал, как внутри все похолодело. Если он не объяснится, то навлечет на поместье графа Юнфэн гнев Дворца Хранителей. А с такими противниками любая ошибка может стоить жизни. Поэтому признавать вину было нельзя.

Фу Сиянь спокойно подобрал вещи с пола, особенно поигрывая жетоном в руках:

— Господин Тан, прежде чем обвинять, стоило бы навести справки, зачем я приехал в город Пэйцзе лечиться. Неужели у вас есть такое чудодейственное снадобье, чтобы избавить меня от этого старого жира?

Тан Гун не успокоился:

— Я простой человек из мира воинов, не чета столичным аристократам. Но даже у мудреца бывает промах. — Он достал из рукава листок бумаги и протянул ученому. — Раз вы сын графа, зачем скрывали свою личность, пробираясь в мою усадьбу?

Это была записка, оставленная Чу Шаояном. Она была написана двусмысленно: можно было истолковать как поиск лекарства, так и его кражу. Фу Сиянь заподозрил неладное — если Тан Гун объединился с Чу Шаояном, его положение стало критическим.

Но даже проигрывая, нельзя терять лицо. Он усмехнулся:

— При первой встрече я честно сказал: предки оставили состояние, а в стражу я попал по связям — разве это не доказывает, что у меня есть деньги и власть? Просто я четвертый сын, рожденный наложницей, наследства не получил, чинов не имею, вот и молчал, чтобы не позориться. Неужели в ваших глазах такой аристократ, как я, обязан вести себя как наглый гуляка, чтобы считаться искренним?

Тан Гун лишился дара речи и сменил тактику:

— И теперь ты будешь настаивать, что приехал только ради похудения?

Отвечать было сложно. Фу Сиянь не знал, сколько информации выдали Чу Шаоян и Чжан Дашань, но вряд ли они упоминали пропавшую принцессу. Он решил рискнуть:

— Похудение — лишь одна из причин, а другая — привести здоровье в порядок.

Он совершил прорыв, и скрыть факт приема пилюли было невозможно, поэтому он использовал размытую формулировку, оставляя себе путь к отступлению.

В этот момент воины вышли из комнаты с пустыми руками. Ученый обменялся взглядом с Тан Гуном, и тот заметно занервничал. Ученый скомкал записку в пыль и мрачно спросил:

— Где лекарство?

Фу Сиянь ответил:

— Вы на территории господина Тана, у него и спрашивайте.

— Госпожа Лян уже призналась, что ее муж получил крупную сумму, — отрезал Тан Гун и вытащил из рукава пачку векселей. Фу Сиянь сразу узнал те самые деньги, что он отдал.

Тан Гун убрал ногу, открывая лежавший под ней вексель — Фу Сиянь наконец понял, куда делась недостающая бумажка. Сравнение векселей сразу выдало их происхождение.

Тан Гун уставился на него:

— Ты знаком с господином Ляном всего два дня, зачем отдал тысячу таэлей? Насколько мне известно, он выписал тебе обычный рецепт, который и гроша ломанного не стоит.

Фу Сиянь понял, что спорить бесполезно. Тан Гун мог лгать, но в одном был прав: лекарство было у него, и он его уже съел.

— Приведите господина Ляна, я готов к очной ставке, — решил он потянуть время.

— К чему этот спектакль? — отрезал Тан Гун. — Разве господин Лян не убит тобой?

Фу Сиянь остолбенел:

— Он мертв?

Значит, либо Тан Гун действительно не при делах, и есть третий игрок, который украл пилюлю и подставил его, либо Тан Гун замечает следы, убив свидетеля. Но зачем тогда нападать на него сейчас?

В голове мелькнула мысль:

— Как выглядело лекарство?

Ученый ответил:

— Размер с обычную пилюлю, черная, на ощупь горячая.

Именно такая, какую он съел!

— Сколько штук? — спросил Фу Сиянь.

Ученый поджал губы и бросил многозначительный взгляд на Тан Гуна. Тот внезапно ринулся вперед:

— Взять его! Тогда и заговорит!

Перед тем как Тан Гун успел ударить, ветряные колокольчики на груди Фу Сияня задрожали, словно обезумевшие. Используя эти секунды, Фу Сиянь пригнулся и бросился в сторону ученого. Тот лишь равнодушно поднял руку и толкнул ладонью.

Фу Сиянь словно врезался в железную плиту и отлетел назад — прямо в руки Тан Гуна. Ситуация стала критической. Фу Сиянь собрал всю энергию, чтобы защитить внутренние органы. Он не знал, выдержит ли его тело удар такого мастера, как Тан Гун.

Была не была!

Он зажмурился, готовясь к удару, как вдруг весь двор — флигель и стены — содрогнулся и рухнул. Снаружи, словно молния, вылетел белый тигр и с рыком бросился в атаку.

Фу Сиянь был настолько ошеломлен, что в голове вертелось лишь одно непечатное выражение. В этот момент рука Тан Гуна, нацеленная прямо в сердце, коснулась его спины. Но как только мощная энергия вошла в тело Фу Сияня, она словно растворилась в бездонном океане.

Тигр прыгнул, пролетел над головой Фу Сияня и обрушился на Тан Гуна. Тот хотел ударить зверя, но ученый в ужасе закричал:

— Остановись!

Тан Гун был вынужден отступить. Тигр приземлился и издал грозный рык. Фу Сиянь, дрожа, стоял на месте, чувствуя, как хвост зверя задевает его ноги. Страх перед хищником был в крови, он не смел даже пошевелиться.

Не смел двигаться и ученый. Он знал, чей это зверь. Он смиренно повернулся к руинам стены, где на стуле сидел молодой человек с закрытыми глазами. Его тонкая черная одежда скрывала мощное, гибкое тело. Рядом сидела прекрасная девушка в розовом, невозмутимо разливая чай.

Фу Сиянь, подглядывая, подумал: «Ну и пафос, я просто в восторге».

Ученый поспешно поклонился:

— Лу Жуйчунь из Лэйбу приветствует молодого господина.

Фу Сиянь замер: «Молодой господин? Неужели это Пэй Юаньцзинь, сын Пэй Сюнцзи?»

Пэй Юаньцзинь не открывал глаз, лишь дважды постучал пальцами по подлокотнику. Фу Сиянь почувствовал укол зависти: иметь непобедимого отца — это значит идти по жизни, как краб, никого не боясь.

Лу Жуйчунь заговорил:

— Я преследовал вора до города Пэйцзе. Тот, желая скрыться, продал господину Тану смесь под видом Девятисолнечной пилюли, а позже ее украли люди графа Юнфэн. Вор уже пойман.

Фу Сиянь, которого упомянули, был в полном недоумении. Он хотел было возразить, но Пэй Юаньцзинь открыл глаза. Его лицо было невероятно красивым, но взгляд острых персиковых глаз пугал и притягивал одновременно.

— Зачем людям графа Юнфэн красть эту пилюлю? — раздался холодный голос.

Фу Сиянь: «?!» Дайте же мне оправдаться!

Лу Жуйчунь уже придумал ответ:

— Несколько дней назад к нам явилась девица, назвавшаяся седьмой принцессой. Сказала, что давно восхищается молодым господином и приехала сама предложить себя в жены. Сын графа — человек из стражи, вот и решил украсть пилюлю, чтобы преподнести ее принцессе и добиться ее расположения.

Фу Сиянь был шокирован. Принцесса сама предлагает себя? Это уже перебор! Понятно, что Пэй Юаньцинъ хорош собой, но это же не повод обвинять его в сводничестве!

Пэй Юаньцинъ равнодушно спросил:

— Вот как? А где лекарство?

Лу Жуйчунь похолодел:

— Я немедленно выясню!

Пэй Юаньцинъ отставил чашку и поднялся:

— Не нужно.

В ту же секунду из руин двора выскочили десятки фигур и превратились в воинов, бросившихся на всех присутствующих.

— Отряд Дянь! — в ужасе воскликнул Тан Гун.

Лу Жуйчунь в отчаянии метнул громовую бомбу, но ее на лету перехватила серебристая сеть.

— Тебе дали сто бомб, — усмехнулся боец отряда Дянь. — Шестьдесят ты оставил дома, двадцать отдал друзьям, на тебе было двадцать, здесь ты потратил шестнадцать... лучше отдай оставшиеся четыре.

Лу Жуйчунь понял, что все их действия были как на ладони. Он выхватил кривой клинок, пытаясь прорваться к Тан Гуну. Тот тоже перестал сдерживаться, размахивая алебардами. Но воины отряда Дянь окружили двор и подняли золотой песок, который в воздухе превратился в гигантскую сеть, накрывшую всё поместье.

Фу Сиянь, присевший в углу, пожалел, что не отправил домой хотя бы рецепт мыла.

— Пэй Юаньцзинь! Ты пожалеешь, что так со мной обошелся, мой учитель призовет к ответу твоего отца! — раздался в подземелье усадьбы Люму отчаянный вопль Тан Гуна.

<http://bllate.org/book/19792/1950358>